

ROSTOVTZEFF M. Per la storia del colonato romano. Edizione italiana a cura di Arnaldo Marcone. Brescia: Paideia Editrice, 1994. – 423 p.; *ROSTOVTZEFF M. Scripta varia. Ellenismo e Impero romano.* A cura di Arnaldo Marcone. Bari: Edipuglia, 1995. – XXXIII, 490 p; *ROSTOVTZEFF M. Per la storia economica e sociale del mondo ellenistico-romano.* Saggi scelti. A cura di Tommaso Gnoli e John Thornton. Introduzione di Mario Mazza. Catania: Edizioni del Prisma, 1995. – LXXXV, 237 p.

Издание в Италии трех книг с работами М.И. Ростовцева¹ – еще одно веское подтверждение того, что творческое наследие великого ученого не просто стало предметом международной научной моды последнего десятилетия, но оказалось востребовано всерьез и, пожалуй, иначе, чем прежде². Теперь Ростовцев с каждым годом все более утверждается в положении классика науки³, а не только знаменитого автора спорных идей, вызывающих по сей день оживленные

¹ Ниже для ссылок на рецензируемые книги используются следующие сокращения: *K* = *Per la storia del colonato romano*; *SV* = *Scripta varia. Ellenismo e Impero romano*; *SS* = *Per la storia economica e sociale del mondo ellenistico-romano. Saggi scelti*. Считаю целесообразным привести перечень работ, вошедших в эти три тома, с указанием места первой публикации: *Капитализм и народное хозяйство в древнем мире* // *Русская мысль*. 1990. № 3. С. 195–217 (= *SS*, 1–28); *Мученики греческой культуры в I–II вв. по Р. Хр.* Публичная лекция // *Мир Божий*. 1901. Май. С. 1–22 (= *SV*, 1–21); *Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*. Lpz.-B., 1910 (= *K*); *Kolonat* // *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. 3. Aufl. Iena, 1910. Bd 5. Sp.913–921 (= *SV*, 23–38); *Римский колонат* // *Современный мир*. 1911. № 1. С. 260–280; № 2. С. 143–159 (= *SV*, 39–75); *The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic Times* // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1920. 6. P. 161–178 (= *SV*, 77–99; *SS*, 29–61); *Cities in the Ancient World* // *Urban Land Economics*. Ann. Arbor, Michigan, 1922. P. 17–58 (= *SV*, 101–138); *International Relations in the Ancient World* // *History and Nature of International Relations* / Ed. E.A. Walsh. N.Y., 1922. P. 31–65 (= *SV*, 139–162); *Закат античной цивилизации* // *Русская мысль*. 1922. № 6–7. С. 190–214; № 8–12. С. 3–36 (= *SS*, 89–155); *La crise sociale et politique de l'Empire romain au IIIe s. après J.-C.* // *Le Musée belge*. 1923. 27. P. 233–242 (= *SV*, 163–169; *SS*, 157–165); *The Problem of the Origin of Serfdom in the Roman Empire* // *Journal of Land and Public Utility Economics*. 1926. 2. P. 198–207 (= *SV*, 171–181; *SS*, 183–197); *Les classes rurales et les classes citadines dans le Haut-Empire romain* // *Mélanges d'histoire offerts à Henri Pirenne*. Bruxelles, 1926. P. 419–434 (= *SV*, 183–194; *SS*, 167–181); *Roman Exploitation of Egypt in the First Century A.D.* // *Journal of Economic and Business History*. 1929. 1. P. 337–364 (= *SV*, 195–214); *The Decay of the Ancient World and its Economic Explanation* // *Economic History Review*. 1930. 2. P. 197–214 (= *SV*, 215–230; *SS*, 199–218); *Foreign Commerce of Ptolemaic Egypt* // *Journal of Economic and Business History*. 1932. 4. P. 728–769 (= *SV*, 231–263); *P. Tebt 703. Instructions of a Dioecetes to a Subordinate* // *The Tebtunis Papyri* / Ed. A.S. Hunt, J.G. Smyly. Vol. III. 1. L., 1933. P. 66–102 (= *SV*, 265–304); *L'hellénisme en Mésopotamie* // *Scientia*. 1933. 53. P. 1–15 (= *SV*, 305–316); *La Syrie romaine* // *Revue historique*. 1935. 175. P. 1–40 (= *SV*, 317–350); *The Hellenistic World and its Economic Development* // *American Historical Review*. 1936. 41. P. 233–252 (= *SV*, 351–369; *SS*, 63–87); рец.: Wilcken U. *Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien. Ein Beitrag zur antiken Wirtschaftsgeschichte*. I–II. Lpz. – B., 1899 // *Wochenschrift für Klassische Philologie*. 1990. 17. S. 113–125 (= *SV*, 373–382); *Zur Geschichte des Ost- und Südhandels im Ptolemäischen Ägypten* [рец. на книгу М. Хвостова] // *Archiv für Papyrusforschung*. 1908. 4. S. 298–315 (= *SV*, 383–397); рец.: Otto W. *Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten*. Bd I, II. Lpz. – B., 1905–1908 // *Göttingische Gelehrte Anzeigen*. 1909. 171. S. 603–642 (= *SV*, 399–434); *Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов* (по поводу книги: A. Bouché-Leclercq. *Histoire des Séleucides*. Paris, 1913) // *Научный исторический журнал*. 1913. 1. С. 39–63 (= *SV*, 435–452); рец. Abbott F.F. and Johnson A.C. *Municipal Administration in the Roman Empire*. Princeton, 1926 // *Gnomon*. 1929. 5. S. 231–236 (= *SV*, 453–458); рец. Hasebroek J. *Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit*. Tübingen, 1931 // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaften*. 1932. 92. S. 333–339 (= *SV*, 459–464); рец.: An *Economic Survey of Ancient Rome*. Vol. IV. Ed. by T. Frank e.a. Baltimore, 1938 // *AJPh*. 1939. 60. P. 363–379 (= *SV*, 465–481); *Proletarian Culture*. L., 1919 (= *SS*, 219–236).

² Ср. *Андрю Ж.* Влияние М.И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // *ВДИ*. 1991. № 3. С. 166–176; *он же.* М.И. Ростовцев и экономическое поведение элит («буржуа» и «рантье») // *ВДИ*. 1994. № 3. С. 223–229.

³ Самым ярким свидетельством именно такого отношения к нему стало недавнее появление прекрасно изданного и богато иллюстрированного тома, в котором на основе многочисленных архивных материалов воссоздаются важнейшие этапы биографии ученого, его отношения с коллегами и друзьями, а также публикуется часть обширного эпистолярного наследия М.И. Ростовцева и записи нескольких его публичных лекций, не говоря уже о самой полной на сегодняшний день библиографии, включающей как произведения, вышедшие из-под пера историка, так и посвященные его творчеству и биографии работы

дискуссии. Как известно, классика предполагает постоянное к ней обращение, а потому классические тексты должны быть доступны. И если публикация обнаруженных в архиве глав второго тома «Скифии и Боспора» сначала (в 1989–1990 гг.) в ВДИ, а затем и отдельной книгой в переводе на немецкий язык⁴ представляла собой скорее дань памяти великого историка, то книги, недавно вышедшие в Италии, – это именно издание классики, пусть и не все из включенных туда работ были в равной степени известны при жизни автора.

Всем трем книгам предпосланы обширные введения, которые написали соответственно Арнальдо Марконе (*K*, 7–23; *SV*, VII–XXXIII) и Марио Мацца (*SS*, VII–LXXXV). На итальянский язык работы Ростовцева перевели А. Марконе, Ф. Д'Агостино, Т. Ньюли, Дж. Торнтон, С. Чильяна (т.е. в роли переводчиков выступают сами же составители). Таким образом, публикацией классика занимаются "практикующие" историки, а стало быть, вполне закономерен вопрос, почему и с какой целью они это делают.

Две из трех книг изданы стараниями Арнальдо Марконе, вклад которого в изучение наследия Ростовцева широко известен⁵. При этом следует иметь в виду, что сделанные им переводы работ Ростовцева о колонате очевидным образом вписываются в исследование более широкой темы – историографии колоната, которой Марконе посвятил специальную книгу⁶, где Ростовцев занимает одно из центральных мест (имя русского историка вынесено в заглавие третьей главы). Видимо, именно немалая роль Ростовцева в изучении колоната и послужила импульсом к переводу и изданию на итальянском языке соответствующих его работ: о намерении опубликовать свой перевод вышедших в 1910 г. "Studien zur Geschichte des römischen Kolonats" сообщается в упомянутой монографии Марконе (с. 67, прим. 50).

Коль скоро речь зашла о переводах⁷, следует отметить, что в этом отношении рецензируемые книги неоднородны: если в сборнике, подготовленном Ньюли и Торнтоном (*SS*), все включенные в него работы даны в итальянских переводах (при том, что с русского переведены лишь две из девяти статей), то Марконе (*SV*) воспроизводит статьи и рецензии Ростовцева в том виде, как они были когда-то напечатаны – на немецком, английском или французском языках, переводя на итальянский язык лишь публикации, вышедшие по-русски. Очевидно, такое решение свидетельствует о замысле, выходящем за рамки издания для итальянской, и прежде всего студенческой, читающей публики, к которой, по всей видимости, как раз и обращен другой сборник (*SS*).

Заметим, что весьма непростая «лингвистическая» история научного творчества Ростовцева уже становилась предметом специального рассмотрения⁸. Составляя антологию, претендующую на то, чтобы отразить основные этапы жизненного пути русского историка, умершего в эмиграции в 1952 г., подчеркивая редкую для среды антиковедов взаимосвязь и переплетенность в жизни этого человека личной биографии, политических событий и научной деятельности, Марконе пишет как об одном из особых талантов Ростовцева о его гибкости и способности органично входить в иную культурную среду, выразившихся и в том, что он писал «можно сказать, на всех языках, бывших в ходу в научном сообществе» (*SV*, VIII). Сохранение этого «многоязычия» при издании трудов Ростовцева представляется существенно важным для наиболее точного понимания его места и роли в современной историографии античности.

русских и зарубежных исследователей (см. Скифский роман / Под общей ред. акад. РАН Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997).

⁴ *Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Band II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes auf der Grundlage der russischen Edition von V.Ju. Zuev mit Kommentaren und Beiträgen von G.W. Bowersock, E.D. Frolov, N.A. Frolova, I.A. Levinskaja, D.S. Raevskij, Ju.G. Vinogradov und V.Ju. Zuev, übersetzt und herausgegeben von Heinz Heinen. Stuttgart, 1993 (Historia-Einzelschr. Ht 83).*

⁵ Только в ВДИ были опубликованы две его статьи: *Марконе А.* Петербург – Рим – Берлин: встреча М.И. Ростовцева с немецким антиковедением // ВДИ. 1992. № 1. С. 213–224; *он же.* Ростовцев в Италии // ВДИ. 1994. № 4. С. 183–190. См. также: *Марконе А.* Ростовцев и Италия. IX Перуджийский коллоквиум по истории историографии (Губбио, 25–27 мая 1995 г.) // ВДИ. 1995. № 4. С. 223–224.

⁶ *Marcone A.* Il colonato tardoantico nella storiografia moderna (da Fustel de Coulanges ai nostri giorni). Como, 1988.

⁷ Традиция переводов научной литературы, в том числе и исторической, давно существует в Италии. О переводах на итальянский язык книг М.И. Ростовцева см. например: *Каньетта М.* Ростовцев в Италии: культурные связи и издательские дела // ВДИ. 1997. № 3. С. 158–172.

⁸ *Shaw B.D.* Under Russian eyes // JRS. 1992. 82. P. 217–228.

Марконе, ранее уже исследовавший тесные связи русского историка с немецким антиковедением, которые завязались еще в самом начале его научной карьеры, считает необходимым подчеркнуть: «если слава, еще и сегодня окружающая русского историка, связана с двумя его главными трудами, изданными на английском языке – "Социально-экономической историей Римской империи" и "Социально-экономической историей эллинистического мира", ей предшествовала известность, которую он снискал в Европе еще раньше, публикуясь прежде всего по-немецки» (SV, IX). Разумеется, Ростовцев много писал и по-русски, и без этой части его наследия никакое представление о творчестве историка никогда не будет полным. Но, – горестно замечает Марконе вслед за своим героем, – *rossica sunt, non leguntur!* Именно в этом обстоятельстве он усматривает основание для того, чтобы издать в итальянском переводе некоторые работы, в ином случае обреченные на забвение.

Мнение о том, будто русский историк публиковал на родном языке преимущественно произведения популярного характера, а наиболее важные работы переиздавал на иностранных языках, верно лишь отчасти (SV, IX sg). Для западного читателя особый интерес, со строго научной точки зрения, представляют опубликованные в России рецензии Ростовцева, в которых историк нередко выходил далеко за рамки обсуждения той или иной книги, высказывая в диалогической форме свои собственные взгляды и методологические принципы, «как будто только что попавшая на его стол книга представляла собой вызов, на который должно ответить без промедления» (SV, X). Именно рецензии поэтому могут дать отчетливое представление о подходах Ростовцева к историческому исследованию. Так, в рецензии на «Историю Селевкидов» Буше-Леклерка были намечены темы, представлявшие Ростовцеву центральными для изучения истории эллинизма (формы земельной собственности, отношения между гражданином и государством, между городом и деревней), так что в результате получилась своего рода набросок книги, которой в силу разных обстоятельств суждено было появиться лишь спустя четверть века и на английском языке (SV, XII). Другие рецензии (например, на книги Э. Гримма и М. Хвостова) лишний раз доказывают, что интерес Ростовцева к экономической истории и археологии зародился в контексте русской науки, а не только вследствие знакомства с западной литературой.

Объединение в одном томе (SV) не только переводов с русского, но и статей и рецензий, появившихся на европейских языках, да и то, что книга о колонате (K) переведена вовсе не с русского, а с немецкого, свидетельствует о замысле, куда более широком, чем просто перевод с мало доступного большинству современных историков языка. Действительно, как представляется, Марконе куда в большей степени движим убежденностью в том, что творчество зрелого Ростовцева, автора двух заслуженно знаменитых «Историй», изданных на английском языке, не просто нельзя в полной мере оценить в отрыве от его дореволюционных работ, но вообще в его исследованиях, от самых ранних и до самых последних, присутствует весьма значительная преемственность основных тем и идей. Опыт революции и эмиграции, пусть и сместил акценты и внес некоторые изменения в перспективы исследования, все же не определил собой все зрелое творчество русского историка (SV, XX). В подчеркивании такой преемственности Марконе солидаризируется с Хайнцом Хайненом (K, 9, n. 9; SV, XX, n. 30). В похожем ключе высказывается в своем введении и Марио Мацца (SS, L).

Таким образом, все три книги вписываются в перспективу актуальных историографических исследований, связанных с научной биографией Ростовцева и прежде всего с созданием двух его фундаментальных «Социально-экономических историй», оказавших огромное воздействие на все современное антиковедение. Собранные вместе, работы, публиковавшиеся подчас в весьма труднодоступных изданиях, предоставляют удобную возможность как для изучения эволюции взглядов Ростовцева, так и для более взвешенных и обоснованных оценок его представлений об эллинизме и Римской империи в целом. При этом, хотя область "пересечения" между двумя сборниками достаточно велика⁹, и тот и другой обладают самостоятельной ценностью. Гораздо бóльшая по объему и, соответственно, более богатая по содержанию антология, составленная Марконе, включает в себя статьи о колонате, работы, посвященные отдельным регионам, а также семь рецензий, написанных Ростовцевым в разные годы жизни. А сборник, подготовленный Ньюли и Торнтоном, открывается переводом важной статьи «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» (1900), которую не так давно ввел в научный оборот Ж. Андро, включив ее детальный разбор в свое введение к французскому изданию «Социально-

⁹ Ср. выше, прим. 1: шесть своего рода «ключевых» статей, на которые ссылаются все исследователи творчества Ростовцева, фигурируют как в SV (по-английски или по-французски), так и в SS (по-итальянски).

экономической истории Римской империи»¹⁰. В этом же сборнике публикуется впервые переведенная с русского языка большая статья «Закат античной цивилизации» (1922).

В рецензии, даже весьма развернутой, едва ли возможно дать хотя бы самую краткую характеристику всех работ Ростовцева, вошедших в книгу, изданные итальянскими коллегами. Да это и не нужно: ведь речь идет о произведениях, написанных и опубликованных много десятилетий назад и давно известных специалистам. Гораздо более насущны вопросы иного рода: чем привлекают работы нашего великого соотечественника внимание современных антиковедов? Представляют ли они чисто историографический интерес или все еще сохраняют свою актуальность как предмет обсуждения и осмысления?

Введение к книге по истории колоната (К, 7–23) носит подчеркнуто историографический характер. Напомнив основные вехи профессионального становления Ростовцева, Марконе показывает, как подходы русского историка к проблемам колоната определялись, с одной стороны, специфическими проблемами России и традициями российской науки, а с другой, – связями русского историка с европейскими, прежде всего германскими, коллегами, с лучшими специалистами в области эпиграфики и папирологии (Гренфеллом и Вилькеном), в общении и активном диалоге с которыми сложился арсенал методов его исследовательского мастерства. Кратко охарактеризованы работы Ростовцева о колонате, предшествовавшие появлению в 1910 г. его специальной монографии, которая наряду с «Аграрной историей древнего мира» М. Вебера стала самым заметным в начале века общим трудом, посвященным эллинистическо-римской аграрной истории (К, 18). В «*Studien*» Ростовцева колонат предстал как важный момент эволюции аграрных отношений, в свою очередь вписанных в более общий историко-экономический контекст, в котором действовали самые различные факторы, и не в последнюю очередь фискальный интерес государства (К, 19). Еще две статьи Ростовцева о колонате, по-своему дополняющие книгу 1910 г., включены в SV. Та, что была опубликована по-немецки в «*Handwörterbuch des Staatswissenschaften*» (SV, 23–38) интересна в особенности тем, что в ней Ростовцев рассматривает и позднеантичный колонат, тогда как в монографии он доводит изложение только до периода Ранней империи. Русский вариант «*Studien*» (SV, 39–75), претерпевший значительные сокращения, главным образом, за счет отказа от воспроизведения сносок и сокращения комментариев папирусов и надписей, отличается более четкой и ясной формой изложения и обоснования основных идей (К, 18–19).

Задаваясь в конце концов вопросом о том, в какой мере вклад Ростовцева в изучение колоната сохраняет свое значение в контексте современных исследований (поскольку критическое отношение большинства папирологов к его идеям, в особенности в том, что касается экономической природы государства Птолемея и – шире – роли государственной власти в экономике, ни для кого не составляет секрета), Марконе замечает, что если и в самом деле с Ростовцевым нужно прощаться¹¹, то прощание с ним происходит не без сожаления, ибо присущее ему умение прочитывать документы какого бы то ни было характера в строго историческом ключе и ставить проблемы решающей важности все так же достойны упоминания (К, 22).

Кроме того, в своем историографическом исследовании Марконе справедливо отмечает, что в настоящее время в изучении колоната наметился тупик, что проявляется и в отсутствии крупных обобщающих работ, и в появлении «еретических» статей Ж.-М. Карье, провозгласившего позднеантичный колонат историографическим мифом¹². Ростовцев же писал о колонате в те годы, когда тема эта была живой и находилась в центре внимания крупнейших специалистов; когда все новые и новые эпиграфические и папирусные находки чередой следовали одна за другой; когда еще не сложились специализированные отделы науки, синтез был возможен и к нему стремились. Так что переиздание штудий Ростовцева о колонате может иметь двойкий смысл: с одной стороны, свойственное ему подчеркивание региональных и хронологических различий (ср. К, 26) во многом близко современным подходам с их вниманием к локальным вариантам аграрной эволюции; с другой же стороны, его исследования, всегда

¹⁰ *Andreau J. Introduction // Rostovtzeff M. Histoire économique et sociale de l'Empire romain. P., 1988. P. XLIX–LII; idem. M. Rostovtzeff et le «capitalisme» antique vu de Russie // Pallas. 1987. 33. P. 7–17* (эти заметки Ж. Андро предваряют французский перевод статьи Ростовцева: *Capitalisme et économie nationale dans l'Antiquité // ibid. P. 19–40*).

¹¹ Часто встречающийся мотив «прощания с Ростовцевым» родился из названия известной статьи: *Pleket H.W. Afscheid van Rostovtzeff // Lampas. 1975. 8. P. 267–284*.

¹² *Marcone. Il colonato tardoantico... P. 11, 101, 124 sg.*

основанные на интерпретации и обобщении данных самых разных типов источников, намного шире и богаче одной темы – колоната, в силу чего именно в момент, когда тема эта во многом исчерпана и, может быть, на некоторое время закрыта, они заслуживают того, чтобы их извлекли из узких рамок библиографии этого специфического института и поместили в гораздо более широкую перспективу истории аграрных отношений античности, а не только истории науки.

Во взглядах Ростовцева Марконе особо выделяет «эллинистическую перспективу» (SV, XIII sg.), т.е. подчеркивание преемственности между эллинистическим миром, в свою очередь наследовавшим древневосточным монархиям, и Римской империей. Едва принявшись в 1900 г. за изучение происхождения и эволюции римского колоната, Ростовцев сразу обратил свой взор на Восток, «в Заповедник эллинистических царств», как делал это и прежде, занимаясь историей государственного откупа и других вопросов экономической истории (K, 17). Эллинизм навсегда останется для Ростовцева основной темой его исследований.

В контексте споров об экономическом развитии древнего мира особое место в творчестве Ростовцева занимал Египет, изучению социально-экономических структур которого тот уделял особое внимание на протяжении значительной части своей научной карьеры (SV, XVII). Именно Египет послужил отправной точкой для рассуждений Ростовцева в упоминавшейся уже выше статье 1900 г. «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» (SS, 1–28). Марконе считает нужным подчеркнуть, что здесь, как и в лекции 1901 г. «Мученики греческой культуры» (SV, 1–21), появление Рима на мировой арене отнюдь не рассматривается как позитивный факт. Все симпатии Ростовцева лежат на стороне эллинистических монархий и достигнутого ими уровня экономического развития, которому римская мощь насильно положила предел (SV, XIX). При этом Ростовцев положительно оценивает роль государства Птолемеев в экономике, не считая ее несоместимой с принципами экономического либерализма. Стремясь объяснить истоки такой позиции историка (заметно отличающейся от его позднейших взглядов), Марконе высказывает весьма интересные соображения относительно опыта Ростовцева как гражданина страны, отсталость которой могла быть преодолена, как казалось тогда многим российским либералам, только сознательными и целенаправленными усилиями государственной власти (SV, XX).

Гипотезы и выводы, сформулированные в этих ранних работах Ростовцева, были затем им развиты и дополнены в ходе последующих исследований. В статье 1920 г. об основах социально-экономической жизни в Египте периода эллинизма (SV, 77–99) дано систематическое изложение его взглядов на Египет как на страну с централизованной и плановой экономикой. Утверждение в историографии представлений об экономике дирижистского типа, достигшей своего полного развития уже в древнем мире, было связано с проблемами, волновавшими сознание европейских интеллектуалов в период между двумя мировыми войнами (SV, XXII). В целом, Марконе отмечает, что в посвященных Египту работах Ростовцева (монографии о поместье Аполлония, главе для «Кембриджской древней истории») проявились точность и тщательность в проработке деталей общей картины, более взвешенный подход к интерпретации источников и отдельных аспектов изучаемых проблем.

Ростовцев с готовностью откликнулся на вызовы современности, в том числе и на страницах своих исторических исследований. Связь «Социально-экономической истории Римской империи (SEHRE)» с осмыслением опыта русской революции слишком хорошо известна. В рецензируемых сборниках значительное место занимают статьи и опубликованные устные выступления, в которых Ростовцев излагал основные моменты своей концепции социального кризиса Римской империи в III в. как антагонизма между сельским и городским населением. Эти работы в известном смысле составляют единое целое с SEHRE, и можно только радоваться тому, что теперь они собраны вместе.

Стоит отметить также, что Марконе включил в сборник еще одну статью, написанную Ростовцевым на злобу дня (SV, 139–162); она посвящена международным отношениям в древнем мире, которые рассматриваются сквозь призму системы международных отношений, сложившейся в результате I мировой войны.

В 30-е годы научные интересы Ростовцева вновь смещаются в сторону эллинистического мира, возвращаясь к центральной теме его творчества – эллинизму, о чем свидетельствуют в том числе и работы, вошедшие в рассматриваемые сборники.

Введение А. Марконе к сборнику статей Ростовцева, посвященных эллинизму и Римской империи, заканчивается тем же, с чего М. Мацца начинает свое введение к другому сборнику. Речь идет об уже упоминавшемся «прощании с Ростовцевым», которое Х. Плекет провозгласил более двадцати лет назад (см. прим. 11), когда господство «школы Финли», отвергающей

всякую модернизацию, было подавляющим, а конкретно-исторические исследования носили все более частный характер. Марконе связывает «возвращение» Ростовцева в конце 80-х – начале 90-х годов с наметившейся в это время потребностью в новых обобщающих трудах по социально-экономической истории (SV, XXXIII, п. 73). Мацца считает «возвращение к Ростовцеву» фактом, весьма важным для современного антиковедения, так как сопоставление собственных взглядов с идеями такого великого историка, как Ростовцев, всегда ведет к научному обогащению собеседника, даже если тот придерживается противоположного мнения (SS, VIII).

Введение Маццы по своему характеру значительно отличается от введений Марконе. Последний видел свою задачу в том, чтобы в довольно сжатом виде представить читателю те работы Ростовцева, с которыми тому предстоит познакомиться, а также определить их место в творческом наследии историка. Очевидно, такой «пунктирный» стиль вполне соответствует общему замыслу: и весьма трудная для восприятия даже в итальянском переводе специальная монография по истории колоната, основанная на детальном анализе папирусных и эпиграфических текстов, и внушительных размеров сборник статей и рецензий на четырех языках адресованы преимущественно специалистам, которые не нуждаются в подробных комментариях. Сборник же, подготовленный Ньюли и Торнтоном, как уже говорилось, предназначается в большей степени для студентов. Этой же дидактической цели служит и основательное введение. В нем Мацца весьма подробно, с развернутыми цитатами разбирает включенные в сборник статьи. Причем анализ этот органично включается в последовательное изложение перипетий историографической «судьбы» Ростовцева.

Среди факторов, которые способствовали недавнему возвращению интереса к трудам Ростовцева, Мацца называет эволюцию взглядов Финли и его последователей в сторону признания большей сложности и преемственности в развитии социально-экономических структур эллинистического и римского мира, а также ослабление того марксистского направления в изучении античной экономики, которое искало опору в трудах молодого Маркса и отличалось известными «антиэкономизмом» и идеализмом, сблизившими его с «примитивизмом» Финли. Охватывая многих усталость от избыточной специализации исторических исследований также ведет к более высокой оценке общих трудов Ростовцева, и прежде всего обеих «Социально-экономических историй» с их широкими географическими и хронологическими рамками. К этому добавляются и факторы внутреннего развития антиковедения: изучение средиземноморского бассейна как взаимозависимой системы, новый подъем интереса к эллинизму, в особенности к эллинизму в провинциях Римской империи и, соответственно, переосмысление связи эллинизм – Римская империя, игравшей ключевую роль в исторической концепции Ростовцева.

Мацца рассматривает творческий путь русского историка на фоне дискуссий о древней экономике, происходивших на рубеже веков главным образом в Германии¹³. Ростовцев не был в полном смысле их участником, однако был связан научными интересами с многими из тех, кто был вовлечен в эти споры. Поэтому он и не мог оставаться в стороне, выступив с уже не раз упоминавшейся статьей «Капитализм и народное хозяйство» (SS, 1–28). Из многих важных наблюдений Маццы приведем одно: для конца XIX – начала XX в. ошибочно говорить о контрасте между «примитивистами» и «модернистами» как главном противостоянии (эта терминология появится лишь позже, во времена Салина, Хазебрёка и Поланьи). Правильнее говорить об эволюционизме сторонников Бюхера и циклическом подходе приверженцев Мейера. Ростовцев определенно отвергает эволюционистскую концепцию Бюхера, его схему последовательной смены трех ступеней хозяйства в развитии человечества. И хотя несомненно, что Ростовцев выступает на стороне Мейера, признавая существование в древнем мире развитой капиталистической экономики, его позицию отличает своеобразие, она гораздо более сложная и развернутая, чем это кажется на первый взгляд (SS, XXV, XXXVI sg.).

С самого начала в исторической реконструкции, предлагавшейся Ростовцевым, Египет занимал важнейшее место. При этом «здоровый» капитализм восточных эллинистических монархий противопоставлялся «больному», «грабительскому» капитализму, сформировавшемуся в экономике Римской республики. Весьма деликатной была интерпретация роли государства в эллинистической экономике; оценка отношений между государством и капиталистической организацией экономики. Ростовцев склонен подчеркивать экономическую функцию государства, используя уровень развития финансового аппарата и систем

¹³ Ср. *MaZZa M. Meyer vs. Bücher: il dibattito sull'economia antica nella storiografia tedesca tra Otto e Novecento // Società e storia. 1985. 29. P. 507–546.*

налогообложения в качестве критериев для оценки экономического развития. Для него «здоровая» капиталистическая экономика не обязательно должна была быть либеральной. У русского «либерала» Ростовцева государство и экономика в действительности всегда предстают тесно взаимосвязанными.

Когда под воздействием грандиозных событий русской революции Ростовцев оказался лицом к лицу с центральными проблемами социально-экономической истории Римской империи, он сосредоточил свое внимание на вопросах социального равновесия, социальных конфликтов, кризиса и упадка античного общества. В этих исследованиях на первый план все более выдвигалась городская буржуазия и ее судьбы в Римской империи.

В заключительной части своего в высшей степени интересного и глубокого введения Мацца настойчиво подчеркивает разделенность экономического и социального момента в исторической концепции Ростовцева, даже если в конкретно-исторических реконструкциях они и предстают взаимосвязанными. Так, причины катастрофических кризисов и вообще упадка человеческих сообществ, согласно Ростовцеву, следует искать во внеэкономических факторах: в нарушении социальной гармонии, в политической эволюции, в психологических изменениях, но в любом случае в факторах, посторонних по отношению к развитию производительных сил данного общества (SS, LXXIV). Постулируемый таким образом разрыв между социальными силами и экономическим развитием и, соответственно, рассмотрение в первую очередь политических и социальных, а не экономических условий как раз и позволяли Ростовцеву снять с господствующих классов эллинистических монархий и ранней империи, с идеализированной и недостаточно четко определенной «буржуазии» всякую историческую ответственность за кризисы и экономические катастрофы. В этом смысле показательным изображением кризиса III в. Ростовцев решительным образом отвергает экономическое истолкование событий; для него, в конечном счете, причина упадка Римской империи кроется в неизбежных и неразрешимых антагонизмах между социальными классами, в результате которых буржуазия гибнет под ударами сверху и снизу. Чтобы объяснить этот «упадок», можно приводить причины политического, культурного, даже психологического порядка. Но одно должно оставаться неизменным в анализе Ростовцева: в экономической структуре имперского общества решающую причину искать не следует.

Из всего сказанного, как представляется, становится ясным, что объявленное возвращение к Ростовцеву происходит под знаком все более пристального внимания к внутренней структуре его концепций, к тому, как на их формировании сказывались внешние обстоятельства и условия его жизни и деятельности. В итоге, за последние годы уровень историографической рефлексии, предметом которой не раз становился Ростовцев, ощутимо вырос, о чем убедительно свидетельствуют и все три рецензируемые книги.

В заключение позволю себе высказать несколько отдельных соображений, возникших в ходе работы над настоящей рецензией.

Своего рода «аппендиксами» в обоих сборниках выглядят статьи, связанные с культурой. Это «Мученики греческой культуры в I в. по Р. Хр.» (SV) и «Пролетарская культура» (SS). И одна, и другая выделяются на общем фоне своей полемической заостренностью. В публичной лекции 1901 г. – работе популяризаторского характера – блестяще описывается противостояние представителей александрийской культуры, с одной стороны, и римской политической власти, с другой. Та же тема свободы как необходимого условия всякой творческой созидательной деятельности снова звучит рефреном в политическом памфлете 1919 г., где культурная политика большевиков уподобляется тому пути, которым следовала Римская империя в период своего упадка. Ростовцев предвещает скорое пришествие на смену Платону, Аристотелю, Эратосфену, Аристарху Самосскому Геллиев и Афинеев, после чего наступит сон средневековья (SS, 226).

На первый взгляд, эти статьи не слишком хорошо вписываются в по преимуществу социально-экономический контекст обоих сборников. И все же не случайно и в том, и в другом случае нашлось место для произведений подобного рода. Может быть, именно в них очевиднее всего проявляются «пружины» так называемого модернизма Ростовцева. Для него сближение античности и современности было естественным и необходимым следствием преэмственности культуры. Любые параллели были возможны и оправданны, коль скоро те, к кому он обращался в своих публичных выступлениях и статьях, считали себя потомками и преемниками эллинов и римлян, наследниками и хранителями античной культуры и цивилизации. «Коль скоро наша точка зрения более или менее совпадает с точкой зрения классических народов», – писал Ростовцев даже в статье, которая, как будет показано ниже, дальше всего отстояла от такой самоидентификации с античностью.

Речь идет о статье «Упадок древнего мира и его экономическое объяснение» (SV, 215–230; SS, 199–218). Этой работе 1930 г. посвящено немало комментариев, ибо в ней Ростовцев наиболее четко формулирует свои взгляды на античную экономику и даже излагает собственное определение капитализма (об этом упоминают и Марконе, и Мацца). Однако речь не о статье в целом, а лишь о небольшом наблюдении. Уже было замечено (например, Ж. Андро), что именно в этой статье Ростовцев высказывает некоторые положения, под которыми могли бы подписаться самые последовательные «примитивисты» (например: «Я усматриваю очень мало сходства в развитии экономической жизни в древнем мире и в современности в целом. Есть некоторые явления, которые похожи, но общая тенденция глубоко отлична» – SV, 222). Чем объяснить необычную для Ростовцева строгость и осторожность в этой и других формулировках? Едва ли глубокими переменами в его теоретических представлениях, которые, как справедливо пишет Мацца, были весьма простыми, если не упрощенными (SS, LXIII). Скорее, как кажется, здесь мы имеем дело с присущей Ростовцеву манерой подстраиваться под запросы аудитории: ведь статья была напечатана в журнале, посвященном экономической истории. И обращаясь к аудитории экономистов, Ростовцев вполне осознавал трудности взаимопонимания историков и экономистов, о чем сам говорит в начале статьи. Таким образом, говоря о проблемах античной экономики со специалистами в экономике, а не историками или археологами, Ростовцев заметно смягчал свою модернизирующую манеру изложения, отличавшуюся проведением рискованных аналогий в тех случаях, когда речь шла о культуре и политике. А если это так, то модернизирующий подход, отличавший того, кто «может считаться самым великим историком античности первой половины нашего века» (Мацца: SS, LXXV), был не столько делом интеллектуального выбора и сознательно выработанной научной позиции, сколько фактом культуры, естественным следствием непосредственного и живого отношения к античности. В этом смысле Ростовцев все же был скорее историком XIX, а не XX в.: относиться к древности как к по сути дела постороннему предмету строгого изучения ему удавалось с трудом.

Возможно, именно этим объясняется притягательность Ростовцева для современных историков: с одной стороны, в его работах неизменно присутствует страстное, эмоционально и идеологически окрашенное отношение к древности как к близкому и все еще непосредственно переживаемому прошлому, а с другой стороны, они содержат великолепные образцы интерпретации многочисленных, разнообразных и сложнейших источников. И если в статье 1991 г. Ж. Андро писал, что издание французского перевода обеих «Социально-экономических историй» по существу подобно изданиям таких классиков, как Гиббон или Мишле, а вовсе не свидетельство «возвращения» к Ростовцеву¹⁴, а спустя пару лет все же считал возможным «рассмотреть ход мыслей Ростовцева, разнообразие и внутреннюю логику его исследований, соотнося их с дискуссиями, ведущимися в наши дни», на примере одной конкретной проблемы – экономической роли и поведения элит – и сделал при этом вывод, что некоторые из замечаний русского историка все еще могут служить предметом размышлений и исследований¹⁵, то мы в праве предположить, что наследие Ростовцева пока не отошло в область исключительно историографических исследований и продолжает сохранять научную актуальность. Свидетельством далеко не бесстрастного отношения к историку, умершему более сорока лет назад, может служить недавнее полемически заостренное замечание А. Джардины о том, что «бесспорно великая фигура Ростовцева в настоящее время вызывает чувства, порой граничащие с агиографией», так что насущным становится поиск «противоядия» от столь некритического отношения¹⁶. Представляется, что появление рецензируемых трех книг как раз и способствует более полному и точному пониманию роли и места Ростовцева как в историографии антиковедения, так и в практике современных исследований.

Е.В. Ляпустина

¹⁴ Андро. Влияние М.И. Ростовцева. С. 176.

¹⁵ Он же. М.И. Ростовцев и экономическое поведение элит. С. 229.

¹⁶ Giardina A. L'Italia romana. Storie di un'identità incompiuta. Roma–Bari, 1997. P. 239; 258. Not. 15.